

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

МОИ ГРЕХИ,
МОЯ РАСПЛАТА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Мои грехи, моя расплата / Владимир Колычев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Колычев. Романы о бандитской любви).

ISBN 978-5-699-98489-3

С братвой шутки плохи: либо с ними, либо против них. Если уж выбрал лихую жизнь бандита, быть тебе навсегда меченым. Тут не армия — дембелем не прикинешься... Но Ефим Болотов все же решил отойти от дел, захотелось ему мирной жизни вдалеке от сходов и разборок. Вдобавок ко всему еще и любовь вспыхнула в его сердце. Прихватив любимую, Ефим сбегает от бывших поделщиков в Москву и начинает вести собственный легальный бизнес. Но случайная встреча ломает мирные планы: бывшая девушка сдает Ефима прежним «дружкам». Но он для них все не дружок теперь, а самый настоящий предатель... Следующая встреча уже не случайна: киллеру осталось лишь нажать на спусковой крючок...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98489-3

© Колычев В., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

ГЛАВА 1

Низкое закатное солнце красило рыхлые облачка в багряные тона, вычерчивало длинные тени от церкви с покосившимся крестом, силосной башни, в беспорядке разбросанных изб, телеграфных столбов. Под гулкий перестук колес поезд мчался на восток — скорость, движение, настоящего нет, только будущее. А попутная деревенька плавно погружалась в застывшее прошлое...

У окна, небрежно касаясь поручня, стоял молодой человек в зеленых брюках и солдатской рубашке; он хорошо помнил и это прошлое, и эту деревеньку. Тогда, два года назад, он видел ее в ярком свете утреннего солнца, под сочным голубым небом без единого облачка. Но тогда у него в душе была свинцово-черная туча — по-другому и не опишешь настроение человека, которого насильно лишили двух лет жизни. В тот день его кирзовым сапогом отогнал от окна ефрейтор Влашкин, а сейчас он был свободен и мог сколь угодно долго считать верстовые столбы. Старший сержант Ефим Болотов отслужил свой срок и уже совсем скоро будет дома.

По военному требованию ему полагалась плацкарта, но небольшая доплата позволила ехать в купе, с комфортом. Ведь увольнение в запас, как и появление на свет божий, бывает только раз в жизни, и это собы-

тие должно быть ярким, запоминающимся. И как жаль, что соседи по купе оказались скучными и совсем не компанейскими. Бабушка с маленькой внучкой, изнеженный паренек в очках с толстыми линзами... Впрочем, молодой человек не унывал, через каких-то два часа он будет в Черногольске. Там — родные, друзья... Там Ларка, которая все два года ждала его из армии. Будут радость встречи, застолье, водка и секс...

Глядя в окно, на фоне мелькающих пейзажей Ефим видел в стекле и собственное отражение. В глазах праздничный огонек, на губах радостная улыбка, ноздри медленно раздуваются, как у человека, учуявшего вкусный запах... Тук-тук, стучат колеса. Тук-тук, домой. Тук-тук, домой!

Ефим легонько хлопнул по нагрудному карману, неторопливо выудил сигарету из пачки «Бонда», сунул ее в рот. И только затем повернулся в сторону тамбура, где можно было всласть покурить. Но мысли о табачном дыме развеялись как фимиам на ветру, и виной тому была девушка, вышедшая из купе и вставшая в нескольких шагах от него. И сигарета выскользнула из открывшегося рта...

Ефим знал толк в женщинах, или, по меньшей мере, так ему казалось. Он влюблялся в школе, были у него романы, когда он работал на заводе после техникума, везло ему и на постельные забавы. Имелась у него и своя шкала, по которой он выбирал девушек, сравнивал их между собой, определял, какие достойны его, а о ком лучше забыть. Были у него свои критерии оценки — по чертам лица, цвету и густоте волос, размеру и форме глаз, носа, губ, объему бюста, длине ног и прочему... Если «параметры» отменные, то и шарм есть, и сексуальная прелесть. Так он мог думать раньше, но только не сейчас, когда увидел случайную попутчицу.

Девушка встала у окна, изящным движением руки отодвинула шторку, скупающе посмотрела в бегущую

даль. Она, казалось, не замечала парня, который смотрел на нее одуревшими глазами.

Она была хороша собой, великолепно сложена, но это было ничто по сравнению с обаянием, исходившим от нее. Пышные, не испорченные химией волосы русого цвета тяжело и мягко лежали на плечах; надбровная дуга гармонично сливалась с изгибом красивого, чуть вздернутого носа. О глазах девушки можно было говорить только в превосходной степени, а большие, четко очерченные губы вызывали плотскую жажду, которую можно было утолить лишь долгим и глубоким поцелуем...

В конце концов девушка заметила Ефима, посмотрела на него — слегка удивленно, но скучающе, как женщина, привыкшая поражать своей внешностью мужчин.

— Я вам не мешаю? — с тонкой мягкой улыбкой спросила она.

Ее мелодичный голос лишь усилил волнение сраженного наповал солдата.

— Э-э, нет, — в глупой растерянности мотнул головой Ефим.

Девушка собралась было еще что-то сказать, но ее окликнул мужской голос:

— Дана!

Ефим узнал, как зовут красавицу, но лишился возможности любоваться ею. Девушка скрылась в своем купе, а ее место занял кряжистый мужчина лет тридцати. Спортивная «площадка» на крепкой голове, набухшие холмы крупного лба, изрытые рубцами хребты надбровий, большой и сильно приплюснутый нос, полная верхняя губа и тонкая нижняя, ямочка на тяжелом волевом подбородке. Массивная золотая цепь украшала борцовскую шею, тельняшка трещала по швам под натиском мышечной массы.

Мужчина окинул Ефима цепким оценивающим

взглядом. Одна его бровь выражала удивление, другая — раздражение.

— Тебе чего надо, солдатик? — грубо и снисходительно спросил он.

— Пройти надо, — буркнул под нос Ефим.

— Ну иди, иди...

Атлет задом втиснулся в дверной проем своего купе, кивком показал ему, что можно продолжить путь.

Ефим тяжело шел к тамбуру, звук закрывшейся двери заставил его похолодеть от скабресной мысли. Дана осталась наедине со своим мужчиной, сейчас они запрутся, и он прижмет ее к нижней полке... Молодость глупа и эгоистична, оттого и порождает порой нелепые мысли. Оттого и думал Ефим, что все женщины мира рождены для него. Кому-то из них повезет быть с ним, но подавляющее большинство так и умрет в бесплодных мечтаниях о счастье с самым лучшим мужчиной на земле. Дана повезло: судьба свела ее с ним, и она должна была немедленно бросить своего никчемного кавалера, чтобы не упустить свое счастье...

Ефим выкурил одну сигарету, вторую, зажег третью, а Даны все не было. Или не хотела идти к нему, или атлет удерживал ее силой... Последняя мысль взбесила его, и он было устремился к купе, чтобы вырвать красавицу из лап чудовища. До призыва Ефим серьезно занимался боксом, в армии увлекся силовой атлетикой, в настоящем собирался продолжать в том же духе. И все же он остановился на полпути. Сначала ему подставил подножку фактор страха: как минимум соперник не уступал ему в физической силе, а скорее всего превосходил. Остывая, Ефим ощутил неловкость от собственного поведения. Поэтому глупо было стучаться в закрытую дверь, чтобы получить на орехи на глазах у Даны. А потом, не менее глупо было выяснять отношения с человеком, который, возможно, знаком с ней лишь поверхностно.

Поезд уже пересек черту города. В окне мелькали коробки высотных зданий, раскидистые опоры высоковольтных линий, шлагбаумы железнодорожных переездов, потянулись высокие бетонные стены вагоноремонтного завода, заборная мазня: «Слава КП и СС!», «Виктор Цой жив!»... Еще совсем чуть-чуть, и покажется водонапорная башня, за которой сразу же начнутся навесные переходы вокзала. Ефим уже собрался: надел китель, фуражку, взял в руку спортивную сумку. А Дана все не появлялась...

Поезд замедлял ход, пассажиры нервно тянулись на выход, а дверь в ее купе оставалась закрытой.

— Сынок, ты бы помог пожилой женщине, — просительно посмотрела на него соседка по купе.

Ей было лет пятьдесят, не больше, и выглядела она для своего возраста свежо и бодро, потому и захотелось Ефиму вежливо послать ее куда подальше, но вместо этого он взялся за ее баулы.

Он не торопился — хотелось увидеть, как и с кем выходит из своего купе Дана. Но соседка подталкивала его к переднему тамбуру, где уже толпился народ.

Поезд остановился, проводница открыла дверь, и женщина вытолкала Ефима на перрон. С тяжелой поклажей он по инерции едва не врезался в широколицего парня с могучими плечами.

— Тпрр, военный! — свысока улыбнулся он, обнажая обломки двух резцов, соседствующих с правым верхним клыком.

И губа в этом же месте припухшая. Нетрудно понять, что случилось с этим парнем накануне, гадать можно было только над тем, чем пересчитали ему зубы — кулаком или ногой.

Он был в черной куртке из лайковой кожи, в спортивных брюках с широким прямым низом, на ногах кроссовки с твердым ударным носком. Над воротом футболки красовалась крупнозвенная цепь из «цыган-

ского золота». Внушительный вид, агрессивная энергетика. Рядом с ним возвышались такие же парни — все как на подбор в черных кожанках и с цепями. Кичливо гордые, вызывающе независимые, развязно дерзкие. Людской поток обтекал эту грозную ватагу, как горная река скалистый утес — побыстрее, от греха подальше.

Ефим отошел в сторону, поставил баулы на землю. Он уже догадался, кого встречают эти парни.

— Ну, пошли, пошли! — дернув за рукав кителя, поторопила его женщина.

Ее с внучкой никто не встречал, и, похоже, она собиралась эксплуатировать попутчика как минимум до троллейбуса.

— Сейчас, перекурю только.

Болотов уже понимал, что отвязаться от нее не удастся, но еще не совсем смирился со своей участью добровольного раба.

— Вредно курить! — менторским тоном заявила женщина.

— Очень вредно! — топнув ножкой, подтвердила девочка.

Но Ефим и ухом не повел. Он хотел увидеть Дану, а если повезет, навязать ей знакомство и проводить домой.

— Пошли, пошли, нас уже дома ждут, — подгоняла его бывшая соседка по купе.

— А мне какое... дело?

Он запнулся, увидев атлета, легко спрыгнувшего с подножки опустевшего вагона. Махнув рукой встречающим парням, он помог спуститься Дане. Да, они были вместе, и она мило улыбалась своему спутнику, опираясь на его руку.

— Здорово, Макар!

Он видел, как широколицый парень в знак приветствия крепко пожал руку авторитетному атлету, приобнялся с ним.

- Привет, братва!
- Как Москва?
- Да лучше не бывает!

Ефим растерянно смотрел на Дану. Красивая, модная и недосыгаемая. Она стояла в сторонке от своего кавалера и, опустив глаза долу, с блуждающей улыбкой на губах беспокойно теребила ремешок своей сумочки. Она не принимала участия в разговоре, но Макар не упускал ее из виду. Окинув быстрым взглядом пространство вокруг, атлет зацепился за Ефима, и ему очень не понравилось, какими глазами он смотрит на Дану. Нахмурив брови, он повел головой и грозно шагнул в его сторону.

И как раз в этот момент Ефима снова потянули за рукав.

- Ну, пошли же скорей! — не унималась женщина.

Лучшего предлога было и не найти, чтобы покинуть опасное место. Ефим схватил баулы и быстрым шагом направился к зданию вокзала.

- Еще раз увижу!.. — донеслось ему вслед.

Что будет в этом случае, Макар не сказал, но и так было ясно.

— Еще посмотрим, кто кого, — пробормотал себе под нос Ефим.

Он тоже чего-то стоил в этой жизни, и у него есть друзья, с которыми никакой Макар не страшен... Он шел, представляя, как сходится в открытом бою со своим соперником, как сильным ударом в голову сбивает его с ног, как рукоплещет ему Дана...

А на троллейбусной остановке он очнулся и, опустив баулы на землю, сокрушенно почесал затылок. Он должен был проследить за Даной и Макаром, узнать, где они живут. Как он теперь их найдет в большом городе? Как будет сражаться за свою любовь?

— Ефим! Вернулся! — Ларка гирей повисла на шее Ефима.

— Знаю, что вернулся, — натянуто улыбнулся он.

Ларка повзрослела за два года, некогда угловатые формы округлились, грудь вздулась, бедра расширились. Она стала более женственной и даже более симпатичной... Но после Даны он просто не мог смотреть на нее, от прежнего обожания не осталось и следа. Сохранилось только желание — и то как следствие голодного армейского прошлого.

— Как же я тебя люблю!

Она подобрала под себя ноги, и Ефим едва не просел в коленях под тяжестью ее тела... Вот если бы Дана повисла на нем, он вряд ли бы почувствовал ее вес...

— Хочешь, люби.

— А ты? — еще крепче прижавшись к нему, спросила она.

— Я хочу... Мамунь, мы скоро?

Отец ушел добывать водку в дополнение к тем двум бутылкам, что привез сын, мама на кухне жарила котлеты, старшая сестра с мужем еще не подъехали, Джек, Боек и Заз только собирались к нему. Время еще есть, чтобы вспомнить с Ларкой прошлое. Проводы, например, когда он пытался насытиться ею впрок. Девственности она лишилась раньше, но в тот день клятвенно обещала дождаться его из армии. Обещала и дождалась. Зачем?

Ларка жадно набросилась на Ефима, он и опомниться не успел, как оказался под ней в одной только майке. И сама она расчехлилась «от» и «до» — как по команде, за сорок пять старшинских секунд.

— Какой же ты классный! — счастливо пробормотала Ларка.

— Это у тебя экстр-класс, а я так...

В постели она окунула его и себя в индийскую Камасутру с вакхальными элементами шведско-немецкой видеоклубнички, о чем в армии он мог только робко мечтать.

— Где научилась?

— Я?! Научилась?! — опешила она. И возмущенно: — Ничего я не училась! Это у меня от души!.. Я так тебя ждала! Так мечтала, что мы с тобой...

— Мечты имеют свойство сбываться, — невесело улыбнулся Ефим.

— А ты мечтал? — настороженно посмотрела на него девушка.

— Вот я и говорю, что сбываются, — отделался он расплывчатой фразой.

— Ты меня любишь?

Он приготовился солгать, но от этого его спасли громкие голоса в прихожей.

— Ефим, братуха! — гаркнул Джек — Женя Лебедихин, чемпион области по боксу, тяжеловес.

Дверь в комнату содрогнулась от увесистого, но далеко не самого мощного удара.

— Ефим! Выходи, подлый трус! — хохотнул Заз, получивший свою кличку в честь Запорожского автомобильного завода.

Звали его Костя Запорожнев, и был он тоже боксером, — мастер спорта, серебряный призер союзного первенства, но в более легком весе.

— Да он там с Ларкой! — подал голос Болек.

Болеслав Гуревич, поляк по отцу и краснойбай по матери, также занимался боксом, но далеко не так успешно, как его друзья. Зато он все про всех знал, и язык у него был подвешен, как у хорошего замполита.

— Братишка, ты там не затягивай! Нам оставлять не надо! Выходи скорей! — отбарабанил Болек.

— Выхожу!

Ларка еще не успела прикрыть свою наготу, а Ефим был уже в брюках и майке.

— Ой! — Девушка увидела, как открывается дверь, и шустро юркнула под одеяло.

— Ефи-им! — Джек одобрительным взглядом окинул его. — Ну ты амбал!.. Здорово, брат!

Ефим всерьез занимался силовой атлетикой. На втором году службы каждый вечер — и в дождь и снег — качал железо в спортгородке. И на турнике за все это время сантиметров на десять вытянулся. В общем, окреп и возмужал. Но все же ему пришлось туго, когда Джек заключил его в свои медвежьи объятия; Ефим чуть не лопнул от напряжения в небезуспешной тем не менее попытке совладать с его натиском.

— Могу-уч! — прогудел Лебедихин, отпуская его.

Заз не стал испытывать Ефима на прочность. Приветливо пожал ему руку, в дружеских объятиях легонько похлопал его по спине.

— Ефим, братишка! — расплылся в улыбке Болек. — Через две весны, через две зимы...

Он не служил в армии, но так же, как и Ефим, за два года прибавил и в росте, и в массе.

Черные волосы, зализанный пробор, шельмовские глазки, узкий с горбинкой нос, пухлые влажные губы. Но как одет — модный спортивный костюм, дорогая кожанка.

Джек и Заз были в таких же куртках, и казалось, выросли в эту кожу — сколько времени они в доме, но раздеваться не торопятся... И цепи у них на шеях из такого же дешевого золота, как на тех парнях, которые встречали Макара.

И внешне они чем-то были похожи на тех ребят: такие же внушительные и нахально раскованные. И так же, как на вокзале, здесь разыгрывалась встреча. Макар вернулся из Москвы, а Ефим — из армии. И с женщинами схожая ситуация: и Дана тогда была в сторонке, и

Ларка сейчас таилась под одеялом. Различие заключалось лишь в том, что Макар скорее всего любил свою подругу, а у Ефима к Ларке уже не лежала душа...

— Ну и чего ждем? Раздеваемся, проходим в зал! — забористо, но с добродушной улыбкой сказала мама.

Она уже накрыла стол, а отец разлил водку по стопкам — в нетерпеливом ожидании начала торжества.

— Здорово, Аркадий Ефимович! — бравурно поприветствовал его Джек.

К счастью, он не стал жать ему руку в привычной своей манере, иначе со своей дурной силой переломал бы ему пальцы. Ефим пошел в мать, которая была у него крупной женщиной, с широкой тяжелой костью, потому и в рост он удался, и вширь. А отец был худым и тонкожилым. Он любил заглянуть в стакан, но, в отличие от многих своих друзей, не спился, потому что побаивался маму, которая могла приструнить его и грозным окриком, и кулаком.

— Вдруг откуда ни возьмись... Лариса, привет!

Болек первым увидел вошедшую в комнату Ларку, разомлевшую от встречи с любимым. С развязной улыбкой поздоровался с ней и хлопнул по свободному стулу подле себя. Но девушка лишь мельком глянула на него и опустила на диван рядом с Ефимом.

— А чего такая невеселая? — не унимался Болек. — Ефим из армии вернулся, радоваться надо... И нам тоже радуйся. Мне, например... Что тебе мешает радоваться?

Он бы продолжал в том же духе, если бы Заз не ткнул его локтем в бок.

— Ты, Ефим, не обращай на него внимания. Парень перевозбудился, встрече обрадовался, все такое...

— У самого скоро проводы, — усмехнулся Джек.

— Ну, если Ларка меня провожать будет, тогда да, — нахально улыбнулся Болек.

Он был единственным из всей компании, кто не